

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

ГБУК РО «РОСТОВСКАЯ ОБЛАСТНАЯ
СПЕЦИАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА ДЛЯ СЛЕПЫХ»

К 10-летию детства в России

Я слышал то, о чём писать хотел

К 125-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ПИСАТЕЛЯ АЛЕКСАНДРА ОЛЕНИЧА-ГНЕНЕНКО

К 120-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ПОЭТА НИКОЛАЯ ОЛЕЙНИКОВА

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
КЛОУНА ЯКОВА ГОФТМАНА

12 +

РОСТОВ - НА - ДОНУ

2018

**АВТОР ТЕКСТА И СОСТАВИТЕЛЬ
Е. И. СОКОЛОВА**

**РЕДАКТОР ПО БРАЙЛЮ
В. И. МАРТЫНОВ**

**РЕЛЬЕФНАЯ КОМПЬЮТЕРНАЯ ГРАФИКА:
И. А. ГЕТАЖАЕВА**

**БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ:
Н. А. ТОПОРКОВА**

**ОТВЕТСТВЕННАЯ ЗА ВЫПУСК
И. А. ГРИЩУК**

**БРАЙЛЕВСКИХ ЛИСТОВ:
УЧЁТНО-ИЗДАТЕЛЬСКИХ ЛИСТОВ:**

ТИРАЖ: 5 ЭКЗЕМПЛЯРОВ

**ОТПЕЧАТАНО В ГБУК РО
«РОСТОВСКАЯ ОБЛАСТНАЯ СПЕЦИАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА ДЛЯ СЛЕПЫХ»**

**АДРЕС:
344002, Г. РОСТОВ-НА-ДОНУ,
УЛ. ТЕМЕРНИЦКАЯ, № 50**

ТЕЛЕФОН: 240-79-56

Книга «Я слышал то, о чём писать хотел» знакомит с биографией людей, жизнь и деятельность которых связана с Донским краем.

Это писатели Александр Павлович Оленич-Гнененко и Николай Макарович Олейников и это артист цирка Яков Семёнович Гофтман.

СОДЕРЖАНИЕ:

Улыбка всё-таки нужна.....

«Алиса», «Ворон» и «Граница».....

«НОЖ», «ЁЖ» и «ЧИЖ».....

«Швабра», «Икс» и «Струнифон».....

Встречающиеся в тексте понятия и термины поясняются в словаре в конце книги.

Я слышал то, о чём писать хотел.

Николай Олейников

*В царстве тьмы –
Литература и искусство
Нас поощряют быть людьми!*

Павел Хмара

УЛЫБКА ВСЁ-ТАКИ НУЖНА

*Стоит в бараке тишина...
А, может, в жизни зыбкой
Улыбка всё-таки нужна?
Весёлая улыбка?*

Риталий Заславский

Историческая справка:

«11 апреля – Международный день освобождения узников фашистских концлагерей.

Эта памятная дата учреждена по решению Организации Объединенных Наций.

11 апреля – потому, что именно в этот день в 1945 году узники концлагеря Бухенвальд, узнав о приближении союзных войск, подняли вооружённое восстание.

В лагере находились несколько десятков тысяч заключённых из восемнадцати стран Европы».

В числе организаторов восстания – клоун «дядя Яша». Так звали друзья по манежу одного из старейших артистов цирка, музыкального эксцентрика Якова Гофмана.

Разнообразны музыкальные инструменты, на которых играл Яков Семёнович. Многие сделаны его руками. И один, особенно дорогой.

На любом выступлении дяди Яши – невзрачный, с тусклой трубой и потёртым деревянным стержнем – струнофон. Или струнифон.

С ним связано многое в нелёгкой судьбе артиста.

Тогда, в 60-х, отзвуки военных лет были слышны повсюду. О Великой Отечественной знали не из учебников истории, а из семейных альбомов с фотографиями и рассказов фронтовиков.

И потому особые отклики вызвала напечатанная в двенадцатом номере «Мурзилки» за 1967 год поэма «Клоун».

С посвящением *«артисту цирка, узнику Бухенвальда Якову Никифорову»*. Автор – Риталий Заславский, писатель, переводчик, литературовед.

Узник Бухенвальда Яков Никифоров – и есть тот самый дядя Яша.

Здесь даже взрослым

Жутко жить...

А что он может?

Рассмешишь?

Так совпало: и автор, и его герой – родом с Украины. За развитие российско-украинских связей указом президента РФ Риталий Зиновьевич Заславский, единственный из русских поэтов на Украине, награждён медалью Пушкина.

Сохранилась видеозапись с воспоминаниями бывшего малолетнего узника Бухенвальда Фёдора Фёдоровича Михайличенко:

- Вместо отца детям был дядя Яша Гофман, артист цирка из Ростова. Он был старшим по блоку. Дядя Яша всем очень помогал и переживал за каждого из нас. Он был очень весёлым человеком, играл на всём, что попадет под руку, – швабре, расчёске, пиле.

В лагере нас постоянно били. Назначат фашисты за какую-то провинность двадцать пять ударов, придёшь в барак – ни сесть, ни лечь.

А дядя Яша подойдёт, по голове погладит, расскажет какую-нибудь смешную историю, и сразу станет легче.

Журнал «Мурзилку» и его младшего братишку «Весёлые картинки» – любили и любят миллионы юных читателей. У «Мурзилки» – возраст уже очень почтенный, за девяносто!

Эти детские издания общеизвестны. Но в СССР выпускались не только они. С 20-х начали выходить «Новый Робинзон», «ЁЖ», «ЧИЖ», «Сверчок».

За «Картинки» взялись уже после войны, через тридцать лет после «Мурзилки».

Но именно «Сверчок» дал им когда-то зелёную улицу, в подзаголовке журнала значилось: *«Весёлые картинки для маленьких ребят»*.

А прописка первых советских изданий – детский отдел Госиздата. Руководил отделом признанный корифей жанра Самуил Яковлевич Маршак. Редактировал журналы казак с Дона Николай Макарович Олейников.

Евгений Шварц говорил, что Николай – *«похожий лицом на Козьму Прутков»*. А он и называл себя Прутковским внуком.

«Лучший в мире журнал для детей» – оповещала реклама «ЕЖа». И он был действительно замечательный!

В «ЕЖе» приобщались к детской литературе молодые поэты, входившие ранее в группу «ОБЭРИУ».

В манифесте обэриутов заявлялось: *«Мы – поэты нового мироощущения и нового искусства. В своём творчестве мы расширяем и углубляем смысл предмета и слова, но никак не разрушаем его»*.

И утверждалось, что слово рассматривается как предмет, а предмет – как слово (например, *«за кончик буквы взяв, я поднимаю слово шкаф»*).

Вот как наглядно это описывал Николай Олейников:

*То не ягоды, не клюквы
Предо мною встали в ряд —
Это символы и буквы
В виде желудей висят!*

*На кустах сидят сомненья
В виде галок и ворон,
В деревьях – столпотворенье
Чисел, символов, имён.*

Но Николай Макарович всегда подчёркивал своё отличие от обэриутов, едко их пародируя. Они же старались его понять – и не понимали.

А он мог быть довольно злым – и не только относительно советского официоза и графоманов, но и относительно, к примеру, своего друга Николая Заболоцкого. И даже относительно Александра Пушкина.

Николай Олейников – один из самых оригинальных и ярких представителей русского поэтического довоенного авангарда. Лирик и пародист, сатирик и философ.

Псевдонимы – Макар Свирепый, Николай Макаров, Сергей Кравцов, Н. Техноруков, Пётр Близорукий. И Мавзолеев-Каменский.

Обэриуты распались. Судьба сложилась одинаково: все они были репрессированы, творчество на многие годы попало под запрет как чуждое соцреализму.

Олейникова расстреляли.

В начале 60-х, после запоздалой реабилитации, его стихи по-прежнему не публиковали, но – что удивительно – не переставали они ходить в списках, становясь почти фольклорными:

*Пищит диванчик
Я с вами тут.
У нас романчик,
И вам капут.*

*Вы так боялись
Любить меня,
Спротивлялись
В течение дня.*

Сочинения обэриутов в списках – никогда не ходили.

Судьба писателя с похожей фамилией (Николай Олейников – Александр Оленич) сложилась спокойней.

Оленич, как и Гофтман, на фронте был, но он не попадал в фашистский концлагерь.

И окончил свой век не на нарах. Но, как и Олейников, попадал в лагерь к белым. И оба они, и Николай, и Александр, сумели сбежать!

Но хлебнуть довелось. Революция. Гражданская война. Подполье. Гибель братьев, друзей. И самое страшное – гибель сына.

Александр Павлович Оленич-Гнененко. Двойная фамилия.

Оленич-Гнененко писал для детей и взрослых. И – много и удачно переводил.

Весьма редкий случай: не слишком известному писателю удалось сделать серьезный вклад в искусство перевода.

С равным правом «в свои» его зачислили справочники «Писатели земли Омской» и «Писатели Дона». А сочинения его входят в коллекцию «Донская детская книга».

В России в пору Серебряного века сложилась прекрасная школа перевода – Александр Блок, Анна Ахматова, Николай Гумилёв, Михаил Лозинский, не говоря уже об Иване Бунине.

Существуют незыблемые законы жанра: переводчик обязан точно передать смысл, образ, ритм.

Если нарушен ритм (и неважно, стихи или проза) – *«перевод испорчен непоправимо. Исправить его нельзя, нужно переводить заново»*, - писал Корней Иванович Чуковский.

Это легко проверяется на слух: если при чтении отрывка подлинника и перевода впечатление полностью совпадает – значит, перевод удался.

Александр Павлович одним из первых перевёл «Алису в Стране чудес»:

*Алиса! Сказкам детских дней –
И возраст детский дан.
Храни в венке воспоминаний
Чудесный их обман,
Как пилигрим хранит сухие
Цветы из дальних стран!*

Существует мнение, что именно на работы Оленича-Гнененко опирались позднейшие переводы Самуила Маршака. Или даже являлись отредактированным плагиатом.

Маршак, конечно, артистичнее, и рифмы у него точнее и ярче!

Но даже его лучший друг, Корней Чуковский, признавал «хищничество» Самуила Яковлевича по отношению к менее известным собратьям по перу.

Александр Оленич.
Николай Олейников.
Яков Гофтман.

Очень разные: по происхождению, по образованию, по мировосприятию.

Да и по возрасту: Яков – Александру и Николаю в сыновья годится.

Оленич не дожил до семидесяти, Олейников – до сорока. Гофтман ушёл, примерно, в шестьдесят.

А что роднит?

Они – все трое, слышали, о чём писать хотели! Или поставить о том цирковой номер!

Они были реалистами, очень талантливыми реалистами.

И они – все трое – очень любили детей. И каждый – в зависимости от сложившейся ситуации – старался любовь эту донести.

Порадовать маленьких своих друзей – чтобы обязательно улыбнулись!

Абсолютно прав Ритаий Заславский:

- *Улыбка всё-таки нужна!*

*

«АЛИСА», «ВОРОН» И «ГРАНИЦА»

*...А с нами остались «Алиса»
И мудрый Чеширский Кот,
«Последняя граница»
И ритмов водоворот.*

*Страна, что надежды дарила,
Всегда в недоступной дали,
И самая грустная, милая,
Прекрасная Аннабель Ли...*

Марианна Оленич-Гнененко

Когда в Ростовском отделении Союза писателей стало известно, что Александр Павлович переводит Эдгара По(!), – все ахали:

- *Что Вы делаете?! Мало Вам неприятностей...*

Зато очень высоко оценил оленический перевод «Ворона» Ефим Эткинд – считал самым удачным из существующих.

А на столичном заседании Секретариата Союза писателей за провинившегося переводчика заступился Маршак:

- Меня пленило какое-то настоящее поэтическое чувство, наблюдательность, чистота стихов в переводах А. П. Оленича-Гнененко из Э. По!

Сам Самуил Яковлевич, как известно, к творчеству знаменитого американца не обращался.

Но резолюция Союза осталась негативной: *«Вместо того, чтобы писать о трудовом энтузиазме советского народа, Оленич-Гнененко переводит стихи декадента, чуждые по духу нашей стране. Поставить на вид».*

На вид поставили – Александр Павлович не перевоспитался. И перевёл ещё «Эльдорадо», «Колокола», «Аннабель Ли» и «Улялюм».

Жена, когда он закончил цикл стихов о Грузии, пыталась убедить:

- *Посвяти Сталину! Аиот ведь посвятил ему своё «Карталинское сказание»!*

Александр устоял. Жена-то знала, что всегда мягкий и добрый, становился муж непреклонным, если речь заходила о чём-то действительно серьёзном. На компромисс с совестью не соглашался.

И что там резолюция писателей. То ли ему пришлось вынести!

Спасала Оленича увлечённость. Увлечённость всем, за что бы ни брался! Знали его как любителя-мичуринца, с ним советовались и юннаты, и опытные селекционеры. А ещё был знатоком древнерусской поэзии и метким охотником.

Очень верил Александр Оленич-Гнененко в исцеляющую, обогащающую тайную силу природы и стремился приобщить к ней маленького читателя.

Друзья подшучивали над его разнообразными увлечениями, встречая то с астрономическим справочником, то с ружьём, то с какими-то цитрусовыми саженцами, то с хитроумной птичьей клеткой.

Писатель же улыбался:

- *Надо знать понемногу обо всём, и всё об одном!*

Этим «всё» была живая природа нашей страны, он знал её как учёный и живописал как поэт. За что Географическое общество СССР и пригласило его в свои ряды.

А стихи жили в душе всегда – Александр Павлович писал, сколько себя помнил. Писал обо всём, что могло увлечь юное воображение. И очень любил читать естественников – Чарльза Дарвина, Альфреда Брема, Сергея Аксакова:

Я люблю сидеть над книгой Брема,

Огонёк полночный затепля.

Этой книги радостная тема –

Золотая, милая земля...

И во взрослом творчестве писателя – две великие любви: природа и детвора. Сколько тепла и поэзии в его детских книжках: «Дед Мороз», «Про зверей и птиц», «Стихи о природе», «Весна в горах».

О каждой зверюшке поэт сумел выразительно и весело сказать что-то новое и удивительное! Мы узнаём про такую диковинную вещь, как «медвежьи гнезда», про то, как выдра учит плавать маленьких выдрёнышей.

И у зверей есть, оказывается, своя «курортная поликлиника»:

...Зимой, и весной,

И летом, и под осень

Приходит разный зверь лесной

Грызть глинистую осыпь.

А как хороша милая и лукавая сказка «Олень и ёж» – про работающих ёжиков и хвостуна оленя! Про то, как обязательно побеждает дружная взаимовыручка!

Хлопотная, шумная жизнь зверюшек с их «заботой и работой», «шутками-прибаутками», «пересудами и толками» перед нами – как мультик.

*Горы спят над водой гремучей,
Лес синее в горах, как туча.
Есть в лесу и берёзы, и ёлки,
Есть медведи, и рыси, и волки,
И куницы, и лисы, и ласки,
И лесные весёлые сказки.*

С детьми Александр Павлович бесконечно добр был и терпелив. Чем часто пользовались его дочки: могли разыграть или придумать какую-нибудь каверзу. Собирали, к примеру, малышей со всего двора и водили по комнатам – через кабинет отца, а он в это время писал!

Но отец никогда не раздражался.

Будущий русский писатель, переводчик и общественный деятель родился 11 сентября 1893 года в селе Кегичёвка на Полтавщине.

Дворянская семья, известная пристрастием к литературе. Большое имение. Отец Павел Павлович занимался журналистикой, выпустил поэтический сборник под псевдонимом «Михаил Бродяга».

Праздники отмечали дружно. Ёлка была всегда (и в советское время – тоже): громадное дерево под потолок с настоящими свечками. Сами мастерили игрушки: вырезали, лепили и разрисовывали.

Годы были счастливыми, взрослые учили плавать, знать и любить лес, поле, крестьянский труд. В доме всегда жили котики, пёсики, ёжики, чижики...

Юные Оленичи росли на свободе и дружили с крестьянскими детьми. И говорили как по-русски, так и по-украински.

Аристократическая родня морщилась:

- Опять Польша со своими мужичатами!

А Александр Павлович те чудесные воспоминания детства, став писателем, облакал в образы:

*Слышу я, как дышит лист,
Как растёт трава.*

Или:

*Выплыл месяц – ясный, тонкий, –
В синем небе – жёлтый серп.
Серый волк прошёл стороной
И залёг в тени у верб.*

*Звёзды ярче, звёзды выше.
Не шумит камыш седой.
И полёт летучей мыши
Чуть заметен над водой.*

Но вечного ничего нет. Оленичи-Гнененко разорились. Семья почему-то переехала в Сибирь.

В 1912 году Саша оканчивает гимназию в Омске, с золотой медалью! И возвращается на родину: поступать в Харьковский университет. Поступил, сначала на естественнонаучный, а затем на юридический факультет.

Видимо, всё же, какие-то средства были, иначе как мог двадцатилетний парень колесить по всей России, на что-то жить и учиться?

Но харьковского периода хватило только на два года. Любовь! Доучивался и сдавал экзамены Саша уже экстерном.

В августе 1915 года – в Омске свадьба. Избранница – дочь военного врача Евгения Ивановна Явельберг. Новобрачный пошёл служить конторщиком на станцию.

А у Жени была очень трудная юность. Рано ушли и мать, и отец – ветеран Порт-Артура.

Старшей дочке пришлось заниматься младшими братиками и сестрёнкой. И разбираться с кредиторами – семейная аптека оказалась вся в долгах. Пятнадцатилетняя девочка сумела выстоять, не ожесточиться, остаться жизнерадостной и общительной.

И была благодарна, что не оставили без помощи друзья. И поставила цель – аптеку она спасёт и будет фармацевтом как и отец. Тогда и начала заниматься латынью с гимназистом-старшеклассником Сашей Оленичем.

И Саша, и Женя – и работали, и учились. Растили младших Явельбергов.

Евгения стала фармацевтом.

В 1917 году родился их первенец – Лев, Лёвик.

Нянька, властная сибирячка, возмущалась:

- *Лев! Дали ребёнку собачье имя!*

Сама отнесла в церковь и сама окрестила – Лявонтием.

- *Лявонтий, стань на молитву! Сложи руки, повторяй за мной: Господи! Помилуй папу, маму, всех родственников и меня грешного...*

Мама с папой были совершенно против – но обычно выходило всё по-нянькиному.

А Лёвик очень походил на дедушку Поля – литератора Павла Оленича-Гнененко. И уже года в три радовался, когда придумывал рифму: «*Авочка-булавочка*».

У Оленичей ещё будут две дочки – Светлана и Рада, а Лёвика вот уже не будет.

Пацаны играли в войну. Никто не хотел быть Колчаком. Лёва согласился. «Красные» повесили «Колчака» за ноги в сарае, снять не смогли – и в страхе разбежались.

Нашли его лишь через несколько часов, без сознания. В результате – скоротечный менингит. Лёвику было двенадцать лет.

А в России – война, стачки, баррикады. Оленича из конторщиков выгнали – как зачинщика забастовки.

С идеями революции познакомился Александр ещё гимназистом, а в 1918 году вступил в ВКП(б). Молодого большевика избирают в Омский Совет рабочих и солдатских депутатов.

Он ведёт общественную работу, занимается организацией красногвардейских дружин. Управляет делами в Омской губернии, работает в комитете по всеобщей трудовой повинности.

Случалось с белым светом прощаться: попал к колчаковцам, ожидал расстрела. И сумел из лагеря смертников бежать!

В мирное время много сил и времени отнимала журналистика. Александр Павлович редактирует губернские и краевые газеты, занимается новым омским журналом «Искусство». Но про любимое занятие не забывает – в сибирских и питерских изданиях появляются поэтические подборки.

В 1931 году омского журналиста переводят на Дон редактором газеты «Колхозная правда». Через пять лет вышла в Ростове его первая детская книжка – «Весёлый край».

В Южной столице Оленич-Гнененко долго возглавлял писательскую организацию, состоял в правлении Союза писателей РСФСР. Преподавал в общеобразовательной школе (один из учеников – Александр Ревич).

В июне 41-го поэт ушёл добровольцем, работал в армейской печати. И на фронте был разносторонним, деятельным и неутомимым.

Работая в ТАСС, изучил английский язык, уже зная немецкий и французский. И очень много переводил. Под его пером зазвучали по-русски азербайджанские и украинские поэты.

А перед войной в Ростиздате вышла знаменитая «Алиса в Стране чудес».

Повесть Оксфордского профессора математики Льюиса Кэрролла считается одним из самых трудных для перевода произведений во всей мировой литературе.

Эти трудности создаёт игра слов, которая лежит в самой основе кэрролловского метода: различные математические, лингвистические и философские шутки, аллегории и намёки буквально рассыпаны по всему тексту. До сих пор не существует единого принципа перевода сказки.

Говорят, что *«легче перевезти Англию, чем перевести «Алису»*. И почитается потому за честь – и не только вовсе в России – сделать удачный перевод.

Потому и берутся за Кэрролла крайне редко, причём, обычно стихи и прозу переводят разные авторы. Тот же Маршак перевёл лишь стихи.

Александр Оленич всё перевёл сам.

«Алиса» по-ростовски донесена до маленьких советских читателей почти дословно. И потому, наверное, и теряются те своеобразные британские аллюзии, теряется «британский детский» юмор.

Но вот ритм зато соблюдается везде! К сохранению всех особенностей любого подлинника Александр Павлович относился бережно и строго.

И его «Алиса» выдержала четыре переиздания!

Со временем перевод Александра Оленича вытеснили версии Нины Демуровой и Бориса Заходера. Но оленич-гнененковского Кэрролла всё равно помнят несколько поколений маленьких советских читателей:

*Вейся, вейся, смейся мне,
Нетопырь, летя к луне!
Синей ночью с высоты
Чайной чашкой блещешь ты!*

В 44-м, в разрушенном Ростове, под постоянными бомбёжками, каким-то чудом уцелело на Большой Садовой здание Библиотеки имени Максима Горького.

Прекрасный выбор книг на французском и английском. Улыбчивая заведующая, сумевшая спасти коллекцию в годы оккупации.

Александр Павлович обнаружил томик стихов Эдгара По – и влюбился! «Ворон», знакомый всем в брюсовском переводе с рефреном «nevermore», в подлиннике оказался всё-таки другим.

Александр Павлович решил во что бы то ни стало сохранить музыку и колдовское обаяние стиха!

Переводы из Эдгара По стоили Александру Павловичу много крови.

Оленич разыскал в Ростовском университете преподавательницу английского языка Евгению Васильевну Новикову, человека большой культуры, влюблённую в слово, как и он сам. Новикова помогла с фонетикой – сохранить все особенности интонации.

А перевод «Последней границы» Говарда Фаста – это просто сюжет для неплохого детектива! Ростовский писатель получил в Москве для перевода единственный экземпляр книги Фаста. Время было трудное, голодное и холодное – в прямом смысле.

Оленичи жили тогда все вместе (братья Александр и Дмитрий с семьями) в большой, пустой и холодной квартире. В чужой.

Довоенную квартиру ростовского писателя заняли, почему-то, батюшка и директриса какой-то школы.

Рассказывает племянница писателя Марианна Дмитриевна Оленич-Гнененко:

- Дядя был добрым, вспыльчивым, часто наивным. Совершенно не умел ругаться. Самым страшным ругательством было «бред собачий» (во гневе он произносил «брэд»).

Памятный нам всем «дом на Воршиловском, 8» в 37-м повторил судьбу «Детей Арбата»: здесь жили участники Гражданской войны, старые большевики, секретари горкома и обкома. И почти каждую ночь сюда приезжал «чёрный ворон».

В ожидании одной из таких ночей дядя сжёг свой архив и пытался застрелиться. Мама забрала его к нам, взрослые часто не спали по ночам, но у нас всё-таки было спокойнее.

Зима 47-го стояла суровой. Александр Павлович переводил, сидя на железной кровати, в своей фронтальной шинели.

Наконец, перевод был закончен, и (о чудо!) в Союзе писателей дали путёвку в творческий дом отдыха под Ростовом. Две недели покоя, возможность работать над рукописью в тепле.

На вокзале, пока дядя бегал за билетом, Евгения Ивановна сторожила его выдавший виды маленький чемоданчик.

В нём лежали рукопись, единственный драгоценный экземпляр книги, махорка, пара солдатских кальсон, маленькая бутылочка водки – «мерзавчик» и пузырёк с хреном тёткиного изготовления.

Что отвлекло Евгению Ивановну, так и осталось тайной. Но когда Александр Павлович вернулся с билетом, чемоданчика на месте не оказалось.

Ехать всё-таки пришлось: не пропадать же путёвке.

Рукопись и книга исчезли. Что делать? Сестре несчастного переводчика Анне приходилось работать с беспризорниками.

Нашла время и подходящую одежду. И отправилась на вокзал – на поиски.

Поисковое вокзальное «дежурство» продолжалось целый день почти. Но увенчалось успехом – Анна Павловна вычислила «пахана».

Набралась смелости:

- Тут вчера у одной разини увели чемоданчик...

И, как ни странно, пахан – молодой совсем парень – отнёсся с пониманием:

- Это не мои люди. Но я постараюсь вам помочь. Если только рукопись и книгу не раскурили.

И помог! Через несколько дней к Оленичам явились представители воровского сообщества с извинениями:

- Водку, конечно, выпили, хрен съели, махорку выкурили, кальсоны утащили. Но книга, рукопись и чемоданчик целы! Вам позвонят на работу.

Про вознаграждение даже слушать не стали:

- Пусть он лучше о нас напишет! Писатель, а как бедно живёт.

Потом позвонил пахан (от денег тоже наотрез отказался):

- Анна Павловна, мы верим в вашу порядочность, но по нашим законам мы не имеем права передать вещи вам. Мы их подбросили в отделение милиции.

Александр Павлович больше месяца водил в ресторан начальника того отделения и, наконец, получил рукопись и книгу, но уже без чемоданчика.

И, вспоминая эту историю, говорил с какой-то тихой гордостью:

- Нет, всё-таки у ростовских жуликов есть своя этика.

«Пусть он лучше о нас напишет...» Не написал – не успел.

В последние годы жизни работал писатель над мемуарами и автобиографической повестью, которые не суждено было закончить.

13 марта 1963 года Александр Павлович Оленич-Гнененко умер.

Врачебная ошибка: лечили от сердечной астмы, а было запущенное воспаление лёгких.

А переводы Эдгара Аллана По через несколько лет всё же свет увидели. Опубликовал наш журнал «Дон». Позднее издавались и переиздавались.

В 2009 году стихотворение «Ворон» – в переводе Александра Оленича-Гнененко – вошло в новое академическое издание сочинений американского поэта.

*

«НОЖ», «ЁЖ» И «ЧИЖ»

*Я шутики шутил! Оказалось,
Нельзя было этим шутить.
Сознание моё разрывалось,
И мне не хотелось жить.*

Николай Олейников

Начинающие писатели Леонид Пантелеев и Григорий Белых искали возможность опубликовать свою первую повесть «Республика ШКИД». Им посоветовали обратиться в детский отдел Ленгосиздата.

- И вот мы, - вспоминал, спустя годы, Пантелеев, - с трепетом ступаем на плитки длинного издательского коридора и вдруг видим, навстречу нам бодро топаят на четвереньках два взрослых дяди: один – пышиноволосый, кучерявый, другой – тонколицый, красивый, с гладко причёсанными на косо пробор волосами.

Несколько ошарашенные мы прижимаемся к стене, чтобы пропустить эту странную пару, но четвероногие тоже останавливаются.

- Вам что угодно, юноши? - обращается к нам кучерявый.

- Маршака, Олейников, Шварца, - лепечем мы.

- Очень приятно, Олейников! - рекомендуется пышиноволосый, поднимая для рукопожатия правую переднюю лапу.

- Шварц! - так же протягивает конечность его товарищ.

Позже мы узнали, что, отдыхая от работы, редакторы таким образом разминались, «изображали верблюдов». Евгению Львовичу Шварцу было тогда двадцать девять лет, Николаю Макаровичу Олейникову, кажется, и того меньше.

Один из этих «верблюдов» – будущий автор гениальной сказки «Обыкновенное чудо». И других замечательных сказок и инсценировок.

Второй – наибольшую популярность при жизни приобрёл как Макар Свирепый, придуманный им персонаж для детского журнала. Истории о «свирепых» приключениях печатались из номера в номер.

Появился на свет Коля Олейников 4 августа 1898 года в станице Каменской области Войска Донского (ныне – город Каменск-Шахтинский). Патриархальная зажиточная семья потомственного казака.

И эти патриархальность и зажиточность – совсем не устраивали.

- Коля Олейников был казак, и притом типичнейший – белокурый, румяный, кудрявый, - свидетельствует другой Коля – Николай Чуковский. - С чубом, созданным богом для того, чтобы торчать из-под фуражки с околышком.

Он был сыном богатого казака, державшего в станице кабак, – и ненавидел своего отца... Все его взгляды, вкусы, пристрастия выросли в нём из ненависти к окружающему его в детстве быту.

Он даже учился и читал книги – из ненависти к тупости и невежеству своих казаков...

Родня его сочувствовала белым, а он стал бешеным большевиком, вступил сначала в комсомол, потом в партию. Одностаничники избили его за это шомполами на площади, – однажды он снял рубаху и показал мне свою красную спину, покрытую жутким переплетением заживших рубцов.

Так что, юные годы прошли трудно. Мечталось о профессии естествоиспытателя, но обстоятельства не складывались. В 1916 году после окончания реального училища Николай поступает в Каменскую учительскую семинарию.

Пишет стихи и прозу, серьёзно занимается изучением литературы и математики. По отзывам друзей, «учился прилежно, с большим старанием и усердием. Особенно любил уроки литературы. Учитель всегда ставил в пример его сочинения».

На Дон пришла весть об октябрьских событиях 17-го, и Олейников – в гуще событий. Занимался большевистской агитацией в армии и партизанил.

10 января 1918 года в Каменской собрался съезд фронтового казачества, заседание которого ярко описано Михаилом Шолоховым в «Тихом Доне».

Ревком предъявил Алексею Каледину ультиматум. Атаман ответил массовыми арестами.

И здесь будущему Макару Свирепому в его жизненных злоключениях довелось испытать на себе один из классических сюжетов Гражданской войны, когда брат – на брата, а сын – на отца.

Скрываясь от белоказачков, Николай добрался домой. Но отец сына сдал – считал отступником. Вот тогда парня и избили до полусмерти. Утром все пленных ждал расстрел как предателей.

Но Николай каким-то образом охранников перехитрил и пробрался в соседнюю станицу – к деду. Дед оказался куда роднее и внука спрятал. Но внук не засиживался и при первой возможности опять ушёл к своим.

Как мы знаем, Каледину удача изменила, атаман погиб. И с начала 1920 года Каменская стала полностью советской. О жизни Алексея Максимовича Каледина рассказано в другом сборнике нашей Библиотеки – «Паруса и кавалерия».

Олейников вернулся – редактировать сельскую газету «Красный казак». Одновременно записался слушателем на учительские курсы. И стал работать в областной газете «Молот». Через год направляют его в Ростовский педтехникум. Однако студенческая жизнь продлилась недолго.

О талантливом молодом редакторе прослышали в украинском Бахмуте (ныне – Артёмовск) и пригласили ответственным секретарём в редакцию газеты (с забавным для сегодняшнего восприятия названием) «Всероссийская кочегарка».

Олейников в Бахмуте добился ещё разрешения на издание литературно-художественного журнала «Забой», помогали коллеги из Питера – Женя Шварц и Миша Слонимский. Слонимский уже публиковался, а первые литературные опыты Шварца и начались с «Забоя» и «Кочегарки».

К четвёртому номеру «Забой» достиг неслыханного по тому времени тиража – сорок тысяч!

В 1925 году ленинградцы возвращаются домой. С ними едет и дончанин – редактировать журнал «Новый Робинзон».

Самуил Маршак отзывался так:

- Этот журнал был и в самом деле Робинзоном. Возник он почти на голом месте, так как детская литература того времени представляла собой необитаемый или, во всяком случае, мало обитаемый остров.

Но цензорам этот «остров», с его упором на занимательность и отсутствием директив, не понравился. Через год журнал закрыли, а редакцию преобразовали в детский отдел Госиздата.

Вот здесь, в Госиздате, писатель Олейников и выработает свою самостоятельную позицию в литературе: новый, не существовавший до него жанр прозы, который можно назвать публицистикой для детей.

Николай Макарович весело рассказывал юным читателям про чудесный «НОЖ» – который оказывался Научной организацией жизни. То есть, ненавязчиво знакомил с основными принципами дисциплины и самоорганизации.

Ещё придумывал задачи, загадки и фокусы, позволявшие приобщиться к началам точных наук. Организовал клуб любознательных – «КУР» – Кружок умных ребят. Прообраз будущего знаменитого КВНа.

И смело давал слово и самим юным читателям: публиковал их стихи, заметки и «воспоминания».

С именем Олейника связана и организация детского радиовещания: он готовит первые передачи, приглашает талантливых литераторов и актёров, экспериментирует в области звукозаписи, впервые вводит на радио чередование голосов при чтении рассказов и стихов.

В 1928 году Николая Макаровича назначают редактором новообразованного «Ежемесячного журнала» для детей. Знаменитый «ЁЖ»!

Маршак был постоянно в разъездах, и Коля Олейников с Женей Шварцем стали настоящими хозяевами журнала. Друзья рассказывали, что сочетание «Шварц – Олейников» воспринималось, как «Салтыков-Щедрин».

С первого же номера литераторы выбрали равный тон общения, без заискивания и догматизма.

Журналы начинались не политическими здравицами или опытом работы пионерских отрядов, а весёлыми стихами.

Советское (в самом прямом понимании!) издание не обходило вниманием события первых пятилеток, но делало это – не формально, с хорошей подростковой иронией и воодушевлением.

От имени авторского коллектива редакция утверждала:

Мы считаем, что «ЁЖ»

*Потому и хороши,
Что его интересно читать.
Все рассказы прочтёшь,
И ещё раз прочтёшь,
А потом перечтёшь их опять.*

*Как портной без иглы,
Как столяр без пилы,
Как румяный мясник без ножа,
Как трубач без трубы,
Как избач без избы, –
Вот такой пионер без «ЕЖа»!*

Каждый выпуск – от обложки до обложки – удерживал внимание. Сочинялись шутки, розыгрыши, басни, иронические оды и прозаические экспромты. Называлось сие творчество «фольтички».

Тогда и появился образ отважного бойца, неутомимого изобретателя и любознательного путешественника – *«единственного писателя, который сочиняет свои произведения, сидя верхом на лошади»*.

*Кто я такой?
Вопрос нелепый.
Я – верховой
Макар Свирепый.*

Из номера в номер продолжались в «ЕЖе» рассказы о невероятных приключениях Макара. Динамика, юмор! И удачные иллюстрации, с тонкой иронией сохранившие портретное сходство героя и самого автора.

Была даже придуманная Олейниковым настольная игра: «Путешествие Макара Свирепого по Советскому Союзу» – так, незаметно, дети учили географию страны.

Глядя сегодня на эти картинки, понимаешь, откуда взялись любимые всеми комиксы.

Через пару лет по инициативе Николая Макаровича начинает выходить ещё одно детское периодическое издание. «ЧИЖ» – «Чрезвычайно интересный журнал»!

«ЁЖ» – это пионеры, а «ЧИЖ» – для читателей помладше. Но традиция сохранялась: здесь царили неистощимая выдумка, юмор, умение просто рассказать о сложнейших вопросах.

И самое главное: воспитание без наставления.

- То была эпоха детства детской литературы, - писал Николай Чуковский, - и детство у неё было весёлое.

В Госиздате стали выходить и сборники Олейникова. Головоломные задачи предлагали ребятам весёлые книжки «Кто хитрее» и «Хитрые мастеровые».

Вводили в мир природы, приобщали к познанию законов её развития «Живые загадки».

А иронический «Учитель географии» позволял увидеть в необычном ракурсе знакомые вещи.

Писал Олейников и про революцию, и про Гражданскую войну: «Удивительный праздник», «Индийская голова», «Питерский совет». В истории советской детской литературы – это первые удачные попытки художественной разработки историко-революционного материала.

Критика называла автора *«одним из лучших писателей политических книг для детей», которые «читаются с огромным интересом и пользуются у них большим успехом»*.

- Пользуется громадной популярностью книжка «Боевые дни» (за пять лет издана шесть раз!), - отмечалось в другой статье, - не вводя искусственных, придуманных героев, ярко передаёт октябрьские дни в форме, приближающейся к очерку.

Немало работал Николай Макарович и в области драматургии, создавая разработки весёлых представлений, инсценировок и капустников.

Евгений Шварц обратил внимание приятеля на кинематограф, и они вместе сочинили ряд сценариев про весёлую боевую пионерку Леночку – первый советский сериал для детей!

Начало, «Разбудите Леночку», авторы написали немым, хотя уже три года как советское кино заговорило. Но вышедший на экраны фильм побил рекорды!

В немалой степени удаче способствовал великолепный актёрский состав: будущие наши звёзды Борис Чирков и Сергей Герасимов.

И в заглавной роли – Янина Жеймо, неподражаемая советская Золушка из фильма 1946 года.

Актриса-трагистки получала горы писем, и язвительный Олейников тут же откликнулся эпиграммой:

*От Нью-Йорка и до Клина
На устах у всех клеймо
Под названием Янина
Болеславовна Жеймо!*

На волне успеха вышла вторая часть, «Леночка и виноград».

На третьей части – «Леночка выбирает профессию» – сериал закрыли.

А в одной из книжек, «Танки и санки», критик из «Правды» распознал «опошление героической борьбы против белых и интервентов». И заключил:

- Книжка вредна. Её нужно изъять!

Где-то критик был прав: увлечение Макара Свирепого тайнами, неожиданностями, анекдотами, выходило, случалось, боком – в ущерб содержанию.

И в детской публицистике Олейникова (чьё творчество в своё время стало своеобразной реакцией на псевдопедагогический дидактизм) появился налёт грубоватой пародийности.

О поэте из Каменской осталось совсем немного воспоминаний. И в сохранившихся обязательно упоминается его резкий и даже злой аналитический ум.

Мог затребовать, к примеру, (просто, чтобы над чиновничьей тупостью покуражиться) официальную справку о том, что он, Олейников, красив! Иначе его не примут в Академию художеств.

И получил: «Сим удостоверяется, что гр. Олейников Николай Макарович действительно красивый. Дана для поступления в Академию художеств».

Оформлена справка по всей форме – с печатью Каменского сельсовета и подписью председателя.

Эстер Паперная писала:

- Оба они были щедро одарены чувством юмора, только проявляли его по-разному. Шварц был блестяще остроумен. Олейников – ядовито умён.

Вот эта разница, в конце концов, их и развела, о чём и рассказывал Евгений Львович:

- Обстановка среди тесной группы писателей тех лет всё усложнялась. Становилось темно, как перед грозой. Где уж было в темноте разобраться, что мелочь, а что и в самом деле крупно.

И, думаю, главным виновником этого был мой друг и злейший враг и хулитель Николай Макарович Олейников. Это был человек демонический. Был он необыкновенно одарён. Гениален, если говорить смело...

Он был умён, силен, а главное – страстен. Со страстью любил он дело, друзей, женщин и – по роковой сущности страсти – так же сильно трезвел и ненавидел, как только что любил.

И обвинял в своей трезвости дело, друга, женщину. Мало сказать обвинял: безжалостно и непристойно глумился над ними.

И в состоянии трезвости находился он много дольше, чем в состоянии любви и восторга. И был, поэтому, могучим разрушителем...

Отсюда – каламбур Маршака:

*Берегись Николая Олейникова,
Чей девиз – никогда не жалея никого!*

Он не жалел – он писал сатирические вирши. А не щадил ни своих, ни чужих потому, что органически не переносил пошлость! А быть корректным этот корректор (ещё один каламбур) не умел. Плохо, конечно. Но, возможно, не мог просто забыть те шомполы.

Устремлённость олейниковских персонажей к «сияющей пошлостью красоте» докатилась и до нашего глянцевого времени с его всепроникающим и побеждающим гламуром.

Так что ирония и сарказм в адрес духовной нищеты подобных героев по-прежнему актуальны:

*Ниточка, иголочка,
Булавочка, утюг...
Ты – моя двуколочка,
А я – твой битюг.*

*Ты – моя колясочка,
Розовый букет,
У тебя есть крылышки,
У меня их нет.*

Как не вспомнить киркоровско-пугачёвскую «Зайку мою»?..

В Отделе рукописей Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге хранится весомая папка: «Н. Олейников. Теория чисел. Таблицы».

Мемуаристы свидетельствуют:

- Он никогда специально не учился высшей математике, но годами занимался ею глубоко и серьёзно. Он подготовил к печати результаты своих математических исследований в области простых чисел.

Эта работа вызвала живейший интерес специалистов, должна была появиться отдельной книгой.

Не появилась.

При жизни Николая Макаровича были опубликованы лишь три его «взрослых» стихотворения – «Служение науке», «Муха» и «Хвала изобретателям».

Эту публикацию определили враждебной. А неформальная «ЕЖовская» и «ЧИЖовская» подача материала – недовольство критиков вызвала уже давно. Рубрики «Чепушинки» и «Перевертыши», вообще, окрестили «чуждыми пролетарским детям».

В редакциях старались изо всех сил не давать цензуре повода, но с «литованием» не поспоришь. В 35-м журналы закрыли, Госиздат переименовали в Детиздат и подчинили ЦК ВЛКСМ. После этого ни о каких публикациях речь не шла.

С начала 1937 года Олейников вернулся к работе с детьми – доверили возглавить журнал «Сверчок».

Авторский коллектив почти полностью составили ленинградцы. И почти в каждый выходной главный редактор ездил ночным поездом в Москву с заготовками к очередным выпускам.

- Неплохой был журнал. Олейников очень его любил, нянчился с ним, всюду таскал за собой, сам что-то клеил, верстал, сочинял, - рассказывала его знакомая.

Редактор воспрянул духом, но радость была недолгой.

На пятом номере всё закончилось: и «Сверчок» расценили как вредительство и клевету.

Осталось свидетельство Евгения Шварца о последней встрече с Николаем Олейниковым:

- Начиная с весны разразилась гроза и пошла всё кругом крушить, и невозможно было понять, кого убьёт следующий удар молнии...

Встретили Олейникова... Был он в тот период своей жизни особенно зол: огромное его дарование не находило применения. Нет, не то: не находило выражения...

3 июля 1937 года Николай Макарович был арестован, следом НКВД разгромило всю детскую редакцию.

Обвинение – «*Олейников Н. М. являлся участником контрреволюционной троцкистской организации, проводил контрреволюционную вредительскую и террористическую работу*».

24 ноября 1937 года – расстрел. «Путешествие Макара Свирепого по Советскому Союзу» окончилось навсегда.

То, что двадцать лет назад не удалось белым, довершили красные.

Лидия Чуковская в дневниках писала (прознала каким-то образом):

- Самая солёная соль – дело Олейникова. Донской казак, здоровый мужчина во цвете лет, сдался на 18-й день... Чем же его добились? Конвейер, стойка?

Да, интересно, что на Маршака, которого он терпеть не мог, показаний не дал.

Вот под каким предлогом: «Я с Маршаком в ссоре, не встречаюсь с ним и потому ничего о нём сказать не могу». Очень благородно.

Жене поэта, Ларисе Олейниковой, о судьбе мужа не сообщали, зато вручили предписание о высылке. Место отбывания – Башкирия, триста километров от железной дороги.

У Ларисы Александровны на руках больной полуторагодовалый сын Саша, но это никого не интересовало.

Через двадцать лет определением Военного Трибунала от 13 сентября 1957 года «*Дело в отношении Олейникова Н. М. отменено и производством прекращено за отсутствием в его действиях состава преступления. Олейников Н. М. по данному делу реабилитирован*».

А вдове дали тогда справку, что обвиняемый умер «*от возвратного тифа 5 мая 1942 года*». Эта недостоверная дата вошла во многие справочники.

Прошло ещё сорок лет, и в январе 1996 года УВД Санкт-Петербурга сообщило, что, оказывается, и Олейникова Лариса Александровна давно реабилитирована – ещё «*решением Леноблгорисполкома от 01 апреля 1964 года*».

Интерес к поэзии Николая Макаровича стали проявлять лишь в конце 60-х. Упоминать имя начали, но старались замаскировать его издевательства над советской идеологией. Цитировали, к примеру, под псевдонимами.

Но прижизненные публикации Олейникова подписаны именно Олейниковым!

Первый сборник стихов вышел в 1975 году в Германии, в 82-м – в Нью-Йорке.

А первый российский поэтический сборник – без купюр – появился в 1988 году, спустя более полувека после расстрела.

Так началось новое путешествие Макара Свирепого к читателям.

Сын поэта, Александр Николаевич Олейников, стал геологом. И тоже поэтом.

*

«ШВАБРА», «ИКС» И «СТРУНИФОН»

*С чего поэму я начну?
С того начну, ребята,
Что жил в Ростове-на-Дону
Один циркач когда-то...*

Риталий Заславский

Когда в детском бараке фашистского концлагеря появился новый уборщик, внимания никто не обратил. Уборщики менялись часто. Понятно: раз кто-то сегодня не появился, значит, уже не появится никогда.

Понимали и большие узники, и маленькие. И не задавали ненужных вопросов.

Но теперь вопросы возникли.

Новый уборщик – настоящий цирковой артист!

Умеет играть на всех инструментах и придумывать разные музыкальные штучки вроде «само-разговаривающей трубы». Мастер на все руки! И к тому же – редкий оптимист!

Поразительная новость!

Музыкальный эксцентрик Яков Гофтман, известный в мире арены как «дядя Яша», оказался осенью 1941 года под Ельней, где шли особенно ожесточённые бои.

К большому сожалению, мирная биография Якова Семёновича практически неизвестна. И юбилейная дата – 100 лет – не точна. Сведений об его семье нет. Умер в 70-х у каких-то дальних родственников всеми забытый.

Есть косвенные подтверждения, что был подпольщиком на Дальнем Востоке и добровольно пошёл в пограничники.

Зато знаем точно, что выступал (и до войны, и после) в Ростовском цирке. Очень успешно выступал. Но в истории Цирка имя этого артиста не упоминается.

Зато имя этого артиста упоминается в истории лагеря смерти Бухенвальд. Лагеря, ворота которого встречали узников циничной надписью: *«Каждому своё»*.

По воспоминаниям сокамерников, Якову было тогда около тридцати.

Летом 41-го развернулось Смоленское сражение против группы армий «Центр». 10 сентября советские войска перешли к обороне. Планы Гитлера были сорваны, но ценой дорогой – в плен к фашистам попало много красноармейцев.

Бой под Ельней. Тяжёлое ранение. И вот Яков бредёт в колонне пленных. Сил нет, но отстающих тут же пристреливают. Хотя леденило дух даже не это. Еврейское происхождение – в кармане документы.

И раненый сумел-таки незаметно выбросить бумаги в канаву.

На войне бывало по-всякому, и предателей хватало. Но в большинстве люди помогали друг другу. Пока шли пешком, Якова другие арестанты передвинули в середину колонны и фактически несли на себе.

А ещё – один из пленных, по какому-то внутреннему наитию, собирал документы погибших – ради сохранения памяти о них.

И когда началась первая проверка, в строю стоял не Гофтман, а Никифоров.

Какой-то отрезок пути заключённых везли – в открытых вагонах. От Ганновера, где декабрь особенно ветреный и всегда идут дожди, снова шли пешком. И больше половины – никуда не дошли.

Не дошёл и тот парень, что собирал документы. Но узелок его сохраняли – память священна!

Наконец арестантов разместили в лагерь Берген-Берзен. Барак – голые нары, окна powyбиты. На улице – зима.

Гитлеровцы занялись выяснением профессий пленников.

- *Я артист*, - говорит артист и вынимает потрёпанное фото: он в гриме.

Это заявление вызывает у конвоиров новые издевательства:

- *Клоун! Комик! Комик попал в комическое положение!*

Но это же «комическое положение» и помогло.

При медосмотре национальность всё равно определили, но эсэсовцам тоже их будни эсэсовские надоели. И тоже хотелось зрелищ. А столичные звёзды в концлагерь программы свои, естественно, не привозили.

Потому и требовали надзиратели постоянно от «клоун Никипфор» трюк! И давали за то еду и кипяток. А дядя Яша сразу же – через переводчика – объявил, что для трюков ему нужны ассистенты!

Гофтман немецкий знал довольно не плохо, но делал вид, что не понимает. Так выходило гораздо спокойнее и безопаснее.

За годы войны, вопреки всему здравому смыслу и жизненным реалиям, клоун из Ростова смог создать в этом аду целую цирковую школу.

Собрал вокруг себя любителей музыки. Из ложек соорудили трубу, из деревяшек – балалайку. Котелки, пуговицы и тряпки пошли на что-то вроде аккордеона.

Один из пленных выпилил шахматы, и фигурки сменяли в соседнем бараке на уцелевшую старую гитару.

Так и сложился небольшой оркестр, который стал тайно от охраны выступать. Дядя Яша сочинял злые частушки про фашистов, и оркестрик ходил по баракам со своим репертуаром.

Нигде не умирает комедиант!

Вот что писал в своей книге «Бухенвальдский набат» ещё один бывший узник Иван Иванович Смирнов:

- С Яковом мы познакомились в последнем лагере военнопленных. Таких людей сразу замечаешь. Темноволосый, с большими усами, подвижный, остро слов и весельчак, он всегда собирал вокруг себя людей. Небольшим, но приятным баском пел советские песни, был неистощим на анекдоты...

Особенно удачно прошёл концерт, посвящённый годовщине Советской Армии.

Местом выступления гофтманской бригады стала лагерная прачечная, а занавес сшили из эсэсовских простыней.

И вот на всех подступах к прачечной расставлены посты, зрители заполнили зал. Занавес ушёл в сторону, и узники увидели на сцене стоящих стройными рядами солдат в форме советских войск!

Это гофтманцы – дабы поддержать боевой дух товарищей – стащили со склада комплекты обмундирования, отобранного у пленных.

Аплодировали заключённые стоя. Все – немцы, поляки, румыны, французы, чехи.

А когда смолкли аплодисменты, хор исполнил песню «От края и до края...» из оперы «Тихий Дон» Ивана Дзержинского. Потом выступали акробаты, танцоры и чтецы. Представление продолжалось более двух часов.

Рабочие узники назывались «команда X». И вот на одном из больших концертов Яков Семёнович бросил лозунг, сразу облетевший весь лагерь:

- Команда «Икс» – работа никс!

Это был прямой призыв к саботажу.

Если на антифашистские листовки немцы, может, смотрели сквозь пальцы, то саботаж и порча выпускаемого оружия – это уже серьёзно.

Активиста вычислили. Трое суток карцера. Трое суток избивали, перевели потом в другой лагерь, потом в третий, затем в тюрьму.

И всё равно выпустили – опять же, хотелось надзирателям зрелищ!

В 1943 году «клоун Никипфор» попал в Бухенвальд. И здесь гитлеровцы смеялись над его номерами! И долго им в голову не приходило, что весёлый энергичный артист – активист подпольного комитета «Борьба».

Прошедший все круги ада эксцентрик, не сдавался. В Бухенвальде никак нельзя было предаваться унынию: среди узников было много детей.

И клоун делал игрушки, рассказывал сказки, показывал сценки. Репризы придумывал легко. Дети говорили, что дядя Яша «носит слова в кармане вместе с сахарком».

Взрослые узники заботились о том, чтобы у узников маленьких было чуть получше с питанием, лекарствами и одеждой.

Немецкие подпольщики (работавшие в различных отделах лагеря, в том числе и в эсэсовской канцелярии) уменьшали возраст детей, спасая от тяжёлых работ, иногда добиваясь и освобождения от труда вообще.

И для маленьких узников тайно даже открыли лагерную школу! Руководил настоящий опытный педагог Николай Фёдорович Кюнг, директор училища из Бреста.

Детвору обучали санитарному делу. Гофтман преподавал чтение, письмо и счёт, Кюнг – историю и географию. И, конечно, это была, прежде всего, история и география советской Родины.

Были и другие учителя. Больше года работала школа, а эсэсовцы не подозревали об её существовании. Просто никогда бы не подумали, что эти полуголодные запуганные оборвыши хотят знаний!

Фашисты пытались добиться того, чтобы дети из разных стран забыли свои национальности, свои фамилии, имена. Забыли, откуда они родом.

И хотя Яков Семёнович занимался уборкой помещения, на самом деле был он воспитателем.

Дядя Яша писал фамилию ребёнка русскими буквами на песке, чтобы её легко можно было стереть при приближении охранников, а дети запоминали.

Позже подпольщики сумели достать бумагу, карандаши и стали учили детей писать на бумаге, которую потом бережно прятали.

Маленькие узники Бухенвальда разучились улыбаться.

Как можно устроить для них цирковое представление в концлагере? Клоун подумал и решил: можно. Сочинил такие номера, для которых не требовалось реквизита.

И придумал самый необычный свой музыкальный инструмент! Прицепил к простой швабре две натянутые проволочки, снизу пристроил пустую консервную банку.

Играя на «музыкальной швабре», Гофтман пел забавные частушки. Он даже устроил маленьким узникам настоящую новогоднюю ёлку! С игрушками.

Только красную звезду (тоже была!) приходилось снимать, когда к бараку приближалась охрана.

А ещё сокамерники помогли соорудить – как он называл – струнифон! Или струнофон. Такой, редкий очень, инструмент эксцентрично-циркового жанра.

Конечно, если бы обо всех этих нововведениях лагерных узнало лагерное начальство, всем бы не поздоровилось.

Но не узнало.

А детвора смеялась! Пока человек способен смеяться, он хочет жить.

Клоун Яша превращался в волшебника, когда кто-то совсем падал духом. Он просто давал тогда лекарство (обычную воду) по капелькам – как самое сильное снадобье. От всех болезней!

И несчастный маленький пациент верил! Глотал – и действительно здоровел! И соглашался, что да, будет очень обидно, когда все заключённые вернутся домой, а он – нет.

- И ведь случится это не потому, что тебя убили, а потому, что ты сам себя оставил здесь умирать! - так, очень доходчиво, объяснял артист.

При этом Гофтман вовсе не был наивен.

Да, уже шла весна 45-го. Да, Советская Армия наносила сокрушительные удары по фашистским войскам – исход войны предрешён.

Но, в отличие от многих своих товарищей, живших только сегодняшним днём (такова уж лагерная психология!), Яков Семёнович прекрасно понимал, что их ждёт, когда освобождение будет уже совсем близко.

Заключённых просто убьют.

Это было особенно трагично. Порой армия входила в уже опустевший лагерь и обнаруживала на аппель-плацу горы трупов.

Понимали это и в подпольном центре. И в этой обстановке стали готовить восстание. Это и спасло жизнь многим.

11 апреля 1945 года охрана была сметена, и над Бухенвальдом поднялся красный флаг.

Немного подлеченные узники разъезжались по родным местам.

Уезжал в Ростов-на-Дону и Яков Семёнович, увозя с собой как дорогую реликвию, как личное оружие, свой струнифон.

И хранил – как память о тех страшных временах – этот загадочный инструмент.

С которым и выступал на манеже в освобождённом Ростове.

- *Что за птица, что за зверь, дядя Яша?* - спрашивали у него.

- *А это мой товарищ, струнифон,* - отвечал артист. - *Он мне душу греет.*

Удивительный гибрид скрипки и трубы.

Облупленная труба с деревянным стержнем – вот и весь струнифон.

Для него – целая Вселенная.

*

СЛОВАРЬ:

Аксаков Сергей Тимофеевич – общественный деятель, литератор и биолог.

Аллегория – иносказание.

Аллюзия – намёк на некий факт.

Апель-плац – площадка в лагере для построения узников.

Ашот (Гарнакерьян Ашот Георгиевич) – ростовский поэт.

Белых Григорий Георгиевич – советский писатель.

Брем Альфред Эдмунд – знаменитый немецкий зоолог и путешественник.

Брюсов Валерий Яковлевич – русский писатель, историк, переводчик и литературовед.

ВКП(б) – Всероссийская коммунистическая партия (большевиков).

Герасимов Сергей Аполлинариевич – знаменитый кинорежиссёр.

Главлит – Главное управление по делам литературы и издательств.

Дарвин Чарльз – знаменитый английский натуралист и путешественник, автор идеи о происхождении всех живых организмов от общего предка.

Декадентство (декаданс) – направление в искусстве, отличающееся эстетизмом и индивидуализмом.

Демурова Нина Михайловна – советская переводчица, доктор филологических наук.

Держинский Иван Иванович – советский композитор, лауреат Сталинской премии.

«Дети Арбата» – роман писателя Анатолия Рыбакова о репрессиях.

Заходер Борис Владимирович – советский детский писатель и переводчик.

Козьма Петрович Прутков – коллективный псевдоним писателей-сатириков журнала «Современник» (XIX век).

«Конвейер, стойка» – простонародные названия пыток.

Леонид Пантелеев (Еремеев Алексей Иванович) – советский писатель.

Литование – (от «литовать») в СССР процесс согласования с цензурой в центральном или местном отделении Главлита.

ОБЭРИУ (Объединение Реального Искусства) – ленинградская группа деятелей культуры, призывавшая к отказу от традиционных форм искусства.

Паперная Эстер Соломоновна – советская писательница-пародистка и переводчица.
По Эдгар Аллан – знаменитый американский писатель, родоначальник детективного жанра.
Ревич Александр Михайлович (Шендерович Рафаэль Михайлович) – советский поэт и переводчик, лауреат Госпремии РФ.
Ревком – революционный комитет.
Реприза – короткий шуточный номер.
Слонимский Михаил Леонидович – советский писатель.
Совнарком – Совет народных комиссаров.
Травести – актёр, исполняющий роль противоположного пола или ребёнка.
Чирков Борис Петрович – знаменитый актёр и педагог.
Чуковская (Корнейчукова) Лидия Корнеевна – советская писательница и правозащитница.
Чуковский (Корнейчуков) Николай Корнеевич – советский писатель.
Эксцентрик – комик, исполняющий нарочито нелепые номера.
Эткинд Ефим Григорьевич – советский литературовед.

*

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

Александров А. Нож Макара Свирепого. // Детская литература. – 1988. – № 1. – С. 14.
Бондаренко М. Никогда не жалею никого. // Независимая газета. – 1998. – 3 июля. – С. 9.
Гегузин И. Страницы Ростовской летописи. – Ростов н/Д: Кн. изд-во, 1983.
Герасимова А. ОБЭРИУ: Проблема смешного. // Вопросы литературы. – 1988. – № 4. – С. 56.
Демурова Н. Картинки и разговоры. – М.: Вита Нова, 2008.
День поэзии – 64. – Л.: Художественная литература, 1964.
Заславский Р. Клоун. // Мурзилка. – 1967. – № 12. – С. 16.
Краткая литературная энциклопедия. – М.: Советская энциклопедия, 1970.
Моложавенко В. Рождение гвардии. – Ростов н/Д: Кн. изд-во, 1985.
Олейников А. В архив к делу. // Нева. – 1998. – № 11. – С. 177.
Олейников Н. Боевые дни. – Л.: Детская литература, 1991.
Олейников Н. Удивительный праздник. – Ростов н/Д: Кн. изд-во, 1989.
Оленич-Гнененко А. В горах Кавказа. – Ростов н/Д: Ростиздат, 1940.
Оленич-Гнененко А. Избранное. – Ростов н/Д: Кн. изд-во, 1954.
Октябрьский альманах. – Ростов н/Д: Ростиздат, 1937.
Очерки русской литературы Сибири. – Новосибирск: Кн. изд-во, 1982.
Писатели Дона. – Ростов н/Д: Кн. изд-во, 1986.
Писатели нашего детства. 100 имён. – М.: Либерия, 1999.
Рахтанов И. Рассказы по памяти. – М.: 1969.
Русская литература 1920-1930-х годов: Портреты поэтов. – М.: ИМЛИ РАН, 2008.
Слонимский М. Книга воспоминаний. – М.-Л.: Советский писатель, 1966.
Хармс Д. Полное собрание сочинений. – СПб.: Художественная литература, 2002.
Червяченко Г. Александр Павлович Оленич-Гнененко. – Ростов н/Д: Кн. изд-во, 1961.
Шварц Е. Живу беспокойно. – Л.: Искусство, 1990.
Шемшелевич Л. Поэт живой природы. // Вечерний Ростов. – 1968. – 11 сентября. – С. 4.
Шумов В. Расстрелян как враг народа. // Пик. – 2004. – 18 ноября. – С. 30.

Бессмертный барак. Олейников Николай Макарович [Электронный ресурс]: [сайт]: – Режим доступа: https://bessmertnybarak.ru/Oleynikov_Nikolay_Makarovich/ – Загл. с экрана.

Википедия [Электронный ресурс]: [сайт]: – Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki>. – Загл. с экрана.

Военная литература. Проза войны [Электронный ресурс]: [сайт]: Смирнов И. Бухенвальдский набат. – Режим доступа: <http://militera.lib.ru/prose/russian/smironov1/index.html>. – Загл. с экрана.

Воспоминания о ГУЛАГе и их авторы [Электронный ресурс]: [сайт]: Олейников Николай Макарович. – Режим доступа: <https://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=page&num=6570>. – Загл. с экрана.

Время Z [Электронный ресурс]: [сайт]: Журнал для интеллектуальной элиты общества: Оленич-Гнененко Александр Павлович. – Режим доступа: <http://www.ytime.com.ua/ru/50/2746>. – Загл. с экрана.

Донской временник [Электронный ресурс]: [сайт]: Память сердца: к 120-летию со дня рождения донского писателя А. П. Оленича-Гнененко. – 2010-2018. – Режим доступа: http://www.donvrem.dspl.ru/Files/article/m18/1/art.aspx?art_id=1229. – Загл. с экрана.

Лирикон [Электронный ресурс]: [сайт]: Олейников Николай Макарович. – 2008-2018. – Режим доступа: <http://liricon.ru/biografii-poetov/olejnikov-nikolaj-makarovich>. – Загл. с экрана.

ЛитМир. Электронная Библиотека [Электронный ресурс]: [сайт]: Тычков Николай. Маленькие пленники Бухенвальда. – Режим доступа: <https://www.litmir.me/br/?b=147411&p=1>. – Загл. с экрана.

Люди. [Электронный ресурс]: [сайт]: Николай Олейников. – Режим доступа: http://www.peoples.ru/art/literature/prose/roman/nikolay_oleinikov/. – Загл. с экрана.

Межпоселенческая центральная библиотека Красносулинского района [Электронный ресурс]: [сайт]: Олейников Николай Макарович. – 2008. – Режим доступа: <http://www.sulinlib.ru/pisateli-dona-detyam/121-olejnikov>. – Загл. с экрана.

Подпольщики Бухенвальда [Электронный ресурс]: [сайт]: В. Краснопёров. – Режим доступа: http://leftinmsu.narod.ru/polit_files/books/Buchenwald.html. – Загл. с экрана.

Портал искусств [Электронный ресурс]: [сайт]: Русская классическая поэзия: Николай Макарович Олейников. – Режим доступа: <http://ru-poetry.ru/oleinikov>. – Загл. с экрана.

Проспект звёзд. Ростов-на-Дону [Электронный ресурс]: [сайт]: Гофтман Яков Семёнович. – Режим доступа: http://zvezda-rostov.ru/encyclopedia/goftman_jakov_semenovich/. – Загл. с экрана.

Ростовская областная детская библиотека им. В. М. Величкиной [Электронный ресурс]: [сайт]: Александр Павлович Оленич-Гнененко (1893-1963). – Режим доступа: http://www.rodb-v.ru/literary-ethnography/modern_writers/olenich_gnenenko/. – Загл. с экрана.

Тагильский рабочий [Электронный ресурс]: [сайт]: Клоун из Бухенвальда. – 2002-2016. – Режим доступа: https://tagilka.ru/news/news_detail/?ID=2805. – Загл. с экрана.

Шахматы на гитаре [Электронный ресурс]: [сайт]: Дядя Яша и Бухенвальд / М. Сорвина. – Режим доступа: <http://www.euruchess.org/cgi-bin/index.cgi?action=printtopic&id=1761&curcatname>. – Загл. с экрана.

100-bal.ru [Электронный ресурс]: [сайт]: Оленич-Гнененко Александр Павлович (1893-1963). – 2013. – Режим доступа: <http://100-bal.ru/literatura/235987/index.html?page=14>. – Загл. с экрана.

Lib.ru [Электронный ресурс]: [сайт]: Николай Макарович Олейников. Пучина страстей. – Режим доступа: <http://lib.ru/POEZIQ/OLEJNIKOW/sbornik.txt>. – Загл. с экрана.

Livelib [Электронный ресурс]: [сайт]: Николай Олейников. – Режим доступа: <https://www.livelib.ru/author/201956-nikolaj-olejnikov>. – Загл. с экрана.

Livejournal [Электронный ресурс]: [сайт]: Неизвестная война: Ёлка в Бухенвальде. – Режим доступа: <https://unknown-war.livejournal.com/7612.html>. – Загл. с экрана.

Livejournal [Электронный ресурс]: [сайт]: К 120-летию со дня рождения Александра Оленича-Гнененко. – Режим доступа: <https://donvrem.livejournal.com/33949.html>. – Загл. с экрана.

Liveinternet [Электронный ресурс]: [сайт]: Николай Олейников. – Режим доступа: https://www.liveinternet.ru/users/2870220/post293294958/?aid_refresh=yes. – Загл. с экрана.

Peoplelife.ru [Электронный ресурс]: [сайт]: Оленич-Гнененко, Александр Павлович. – 2010-2018. – Режим доступа: <https://peoplelife.ru/213275>. – Загл. с экрана.

Ruscircus.ru [Электронный ресурс]: [сайт]: Дядя Яша и Бухенвальд. – 2004- 2013 – Режим доступа: <http://www.ruscircus.ru/cgi/page.pl?func=page&selid=1344>. – Загл. с экрана.

Sotvori-sebia-sam.ru [Электронный ресурс]: [сайт]: Николай Олейников / Т. Гай. – Режим доступа: <http://sotvori-sebia-sam.ru/nikolaj-olejnikov/>. – Загл. с экрана.

Www.vekreveda. Com [Электронный ресурс]: [сайт]: Александр Оленич-Гнененко. – Режим доступа: <http://www.vekreveda.com/1887/olenich.htm>. – Загл. с экрана.

*